

Александр Вертинский и Дальний Восток

С Дальним Востоком у Александра Вертинского, примерившего в юности сценическую маску Пьеро, в принципе связано не так уж много. Последние годы эмиграции артиста в Харбине и Шанхае, затем, уже по возвращении на Родину, гастроли по сибирским и дальневосточным глубинкам. Как известно, концерты в Москве и Ленинграде у Вертинского были редкостью, для записей на радио его не приглашали, о выпуске пластинок речь вообще не шла, а ведь нужно было кормить семью. Словом, Дальний Восток – череда эпизодов, возможно, не самых лучших. Тем удивительнее было обнаружить в недрах Государственного архива Хабаровского края желтевшую папку “Дело Вертинского”. На ветхой обложке – полустершийся гриф “секретно”.

Ее содержимое состоит всего из нескольких листов. Переданное в 1998 году из архива КГБ дело Вертинского явно "похудело" перед новым местом жительства и лишилось многих страниц. Уцелело лишь два документа. Точнее – два доноса на Александра Николаевича. Они относятся к последнему периоду эмиграции и, судя по полярности оценок, предназначались для "белой" и "красной" спецслужб.

Анонимный осведомитель сообщает: "...Около месяца назад (донос датирован 1935 годом. — Е.Г.) на харбинском горизонте появился певец Вертинский. Вся местная пресса отметила его приезд и первые выступления как исключительно выдающееся явление в жизни Харбина..." И тут же дается оценка творчества: "Вертинский — певец безвременья. Он преподнес публике свои чувственные, быющие по низменным инстинктам души песенки. (...) Его песенки пошлы и на русское общество могут действовать только растлевающе. Русская эмиграция в настоящее время переживает период здорового объединения, проникнута идеями борьбы с коммунизмом, и г-н Вертинский со своим репертуаром ей не ко двору".

А это сообщение уже от "наших": "Проживающий в Шанхае эмигрантский поэт Александр Вертинский собирается в ближайшее время направиться в СССР. Это большое приобретение для страны, так как Вертинский очень популярен в массах. Он ранее писал упаднические вещи перед революцией и в эмиграции, но сейчас, став на советские рельсы, он пишет чудные, ободряющие стихи.

Автобиография, написанная им для "Новой жизни" в Шанхае, представляет собой шедевр своего рода. Там он бичует свои заблуждения и говорит, что русский человек всегда должен быть со своим народом в любом случае."

Скорее всего "самобичевание" Вертинского в "Новой жизни" было одним из условий возвращения в Россию. В понятие Родины он вкладывал совсем иной смысл, далекий от партийности и коммунистического прозрения. Позднее писал: "Говорят, душа художника должна, как Богородица, пройти по всем мукам. Сколько унижений, обид, сколько ударов по самолюбию, сколько грубости, хамства перенес я за эти годы! Это была расплата. Расплата за то, что в один прекрасный день я посмел забыть о Родине..."

Он вернулся и начал работать. Гастрольные поездки по провинциям, в том числе по Дальнему Востоку и Сибири. Промороженные дома культуры и клубы. Публика в зале нередко в валенках и зипунах, артист на сцене — в безукоризненном фраке.

1950 год. Вертинский приехал в Хабаровск. До этого он уже побывал во Владивостоке, потом, отработав пять концертов, отправился на Сахалин и в Магадан. Понятно, что для далекого региона приезд Вертинского стал событием, да еще каким.

Казалось, весь город пришел на этот концерт. Билеты распроданы, у входа — толпа.

Однако у человека-легенды от гастроплей в Хабаровское осталось не столь радужное впечатление. Вот отрывки из писем Вертинского жене, отправленные с берегов Амура: "У меня паршивое настроение. Голос устал. Я переутомлен и сегодня еле допел концерт. Петь тут трудно. На восемьдесят процентов публика сидит "железная". Не знают, "с чем это кушают", и выжидающе молчат. Потом, к самому концу, расходятся и начинают неистовствовать. Но концерт уже кончен. И у меня — пустота и неудовлетворенность. Я имею успех, и даже огромный, но не за то, что следует, а за ерунду вроде "Без женщин". Надо менять профессию. Я не ко двору. Это ясно. И ничего "нужного" я из себя выжать не могу..." И еще одна цитата: "Людей меня слушают тысячи, и слушают затаив дыхание, но "жгутся" ли их сердца или нет — я не знаю..."

Елена ГЛЕБОВА
Хабаровск